

Janny Wurts

STORMWARDEN

THE CYCLE OF FIRE

HarperCollins*Publishers*

Дженни Вурц

СТРАЖ
ШТОРМОВ

КНИГИ ОГНЯ

МОСКВА

ЭКСМО

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДОМИНО

2004

Пролог

ХРОНИКИ ВАЭРЕ повествуют о беде, постигшей некогда в Эльринфаэре демонов мхарг. Их сковал заклятиями волшебник ветра и волн Анскиере, которому взялся помогать Ивейн, Повелитель огня и земли, ибо чарами одного мага одолеть таких могучих противников нелегко. Но в решающий миг, гласят легенды, в тот момент, когда опасность была особенно велика, Ивейн предал своего товарища из зависти к его могуществу.

И все-таки Анскиере выжил и наложил на демонов мхарг путы, и связывающие демонов чары по сей день держатся благодаря магической силе волшебника ветра и волн. Ни Анскиере, ни Ивейн ни разу не обмолвились о своей ссоре на одиноком скалистом острове в Северном море. Однако, если верить морякам, ветер там до сих пор повторяет слова, обращенные Анскиере к Ивейну, настолько слова эти были пропитаны магией:

— Ты нанес мне смертельную обиду, Ивейн. Простить ее — не значит забыть. И вот какое заклятие я наложил на тебя: ты явишься по первому моему зову и исполнишь любое приказание, пусть даже тебе придется потратить на это всю жизнь.

А если ты умрешь, не успев послужить мне, власть моя перейдет на твоего старшего сына, а затем на его сына, и так до тех пор, пока долг не будет уплачен.

На берегу этого острова, исхлестанного прибоем, лежит камень с надписью — люди говорят, что это ответ Ивейна: «Призови меня, волшебник, и познаешь печаль. Знай, ни от меня, ни от моих потомков тебе не будет пользы».

СТРАЖ ШТОРМОВ

РЫБАКИ нерешительно топтались перед дверью; ветер с моря теребил их домотканую одежду, заставляя ее казаться еще более скверно пошитой. Наконец самый крепкий и высокий рыбак, с грубым, обветренным до кирпичного цвета лицом, громко постучал и тут же отступил.

Дверь отворилась, тускло-оловянный отблеск заката осветил возникшего в темном проеме человека.

— Анскири? — отрывисто спросил рыбак, скрывая робость за резким тоном.

— Да, я Анскиере, — тихий ответ вернул имени его иноземное звучание. — Что-то случилось?

Страж штормов острова Имрилл-Канд шагнул за порог, морской ветер разметал по плечам его длинные белые волосы. Волшебник, одетый в простую шерстяную одежду, был стройным, сероглазым, с правильными четкими чертами лица; держался он с достоинством, свойственным людям, обладающим истинной силой.

— Тебя ждут в Адиновой Пристани, волшебник, — буркнул рыбак.

— И все-таки — что стряслось? — Светлые глаза Анскиере обежали стоящих перед ним людей.

Ни один из них не ответил, ни один не встретился с волшебником взглядом. Бриз обдувал обветренные лица мужчин, переминавшихся с ноги на ногу; рыбаки топтали гальку и траву, пряча в карманах непромокаемых курток руки, заглубившие от бечевы сетей.

Страж штормов отвел глаза и коснулся дверного косяка тонкими сильными пальцами, стараясь двигаться медленно, чтобы никого не испугать.

— Я иду. Только погашу очаг.

Анскиере вернулся в дом.

За его спиной послышался сердитый шепот, звук плевок, но волшебник как будто ничего не услышал. Потом тишину нарушали только далекие вздохи волн.

Наконец Анскиере вышел, накинув черно-серый плащ, спрятав под капюшон серебристые волосы. В руке он держал завязанную сумку из крашеной кожи: похоже, догадался, что обратно может уже не вернуться. Никто из местных жителей не видел ни плаща, ни сумы волшебника с тех пор, как тот появился на Имрилл-Канде пять зим назад.

Пробивающийся сквозь разрывы в облаках солнечный свет позолотил берег. Анскиере остановился, оглядел приютивший его каменистый мыс, потом повернулся к океану. Рыбаки недовольно зашевелились, но Анскиере еще долго не сводил глаз с горизонта. Наконец запер дом.

— Я готов.

Они двинулись в путь по скалистым сопкам. Рыбаки шли вразвалку, тогда как походка волшебника выдавала в нем человека, привыкшего к жизни на суше. За всю дорогу Анскиере не произнес ни единого слова и ни разу не оглянулся.

Страж штормов и его спутники увидели Адинову Пристань задолго до того, как до нее добрались: городок прилепился к скалам над гаванью, словно гнездо чайки. За россыпью лачуг, сложенных штабелями бочек и сохнувших рыбацких сетей чернела путаница такелажа: в бухте стояло на якоре пять военных кораблей; шестой пришвартовался у рыбацкого причала.

Обычно в полдень улицы города были пусты, но сейчас там бурлил народ и повсюду виднелись группы солдат, о которые разбивались беспокойные людские волны.

Анскиере остановился на вершине холма и откинул капюшон.

— Люди короля?

В траве у его ног прошелестел ветер, предупреждая, что в волшебнике разгорается гнев, но голос Анскиере звучал по-прежнему мягко:

— Так вот почему вы меня позвали?

Крепко сбитый рыбак сжал кулаки.

— Не задавай вопросов, Анскиере!

Он махнул рукой, указывая на тропу, но волшебник не двинулся с места.

— Он имеет право знать, Морден! — неуверенно и встревоженно вступил в разговор другой рыбак. — Пять лет он был нашим Стражем штормов, и за это время ни один из нас не погиб в море. Объясни ему толком!

Морден сжал губы и отвел глаза.

— Мы не можем дать тебе убежище.

— Я об этом и не просил. — Анскиере отыскал взглядом своего заступника и узнал, хотя мальчик уже превратился в юношу. — Ответь мне ты, Эмиен, — тот невольно вздрогнул, услышав свое имя, —

зачем явились на Имрилл-Канд эти корабли? Что привело сюда людей короля?

Эмиен глубоко вздохнул, глядя на свои руки, успевшие покрыться шрамами от сетей, хотя он был совсем юным.

— Страж штормов, в «Бочке рыбака» тебя ждет констебль. У него ордер на твой арест, подписанный королем.

Анскиере посмотрел вдаль.

— Вот как?

— Клянусь священными огнями Кордейна! — воскликнул Эмиен, в его голосе зазвучали слезы. — Страж, они говорят, что ты убийца. Рассказывают, будто ураган снес деревни, разметал скот и потопил лодки у берегов Тьерл Эннета. И будто бы все это твоих рук дело. Люди тонули и звали на помощь... — Юноша запнулся. — А ты смотрел, как они гибнут, и хохотал до слез. У солдат есть посох с твоим знаком — с тем, который ты носил, когда впервые появился здесь.

— Сокол в тройном круге, — тихо промолвил Анскиере. — Да, я помню этот знак. Спасибо, Эмиен.

Юноша испуганно попятился, пораженный спокойствием волшебника, ведь тому, кого признавали виновным в черном колдовстве, грозила смерть на костре.

— Неужели это правда? — спросил Эмиен.

— У всех есть враги. — Анскиере уверенно шагнул на тропу.

Ветер стих, повисла зловещая тишина.

Над рыночной площадью качалась густая пыль: весь поселок собрался посмотреть, как предъявят обвинение Стражу штормов. Отряды королевской

гвардии с мрачным усердием прочесывали улицы, спешившиеся уланы заполонили все проходы между ларьками торговцев. Перед входом в таверну «Бочка рыбака» установили помост из досок, положенных на чаны для соленья, и на этом возвышении расположились разодетые в парчу чиновники.

— Мы привели его! — крикнул Морден, перебивая гам толпы.

— Успокойся. — Анскиере бросил на него злобный, как штормовое небо, взгляд. — Я пойду сам, если вообще пойду.

Морден смутился.

— Так иди.

Рыбак отступил в сторону.

Анскиере прошел мимо него, и хотя серый плащ волшебника выделялся в море коричневых и рыжих одеяний, словно пенный гребень волны, никто не замечал Стража штормов, пока он не встал перед возвышением. Волшебник опустил на землю свою суму, и толпа подалась назад, оставив его одного перед помостом.

— Если вы искали Анскиере, я здесь. — Холодные светлые глаза в упор взглянули на чиновников.

Собравшиеся на возвышении зашумели, потом смолкли, и толстяк в красном камзоле, важно надув пороссячи щеки, наклонился вперед.

— Я констебль королевского суда. — Он сделал многозначительную паузу. — Ты, Аншири, — тягучий западный акцент исковеркал имя волшебника, — обвиняешься в убийстве более четырех тысяч человек, погибших недавно на острове Тьерл Эннет.

Раздались изумленные возгласы, но быстро смолкли. Констебль со вздохом опустил подборо-

док на сплетенные пухлые пальцы, униженные перстнями.

— Ну? Что ты на это скажешь?

Анскиере поднял руки, способные взъять море и небо. Толпа смотрела на него, как зачарованная, но ни дуновение ветра, ни всплеск волны не ответили на жест волшебника. Серая ткань скользнула вниз, открыв тонкие запястья с просвечивающими венами.

Слова Анскиере прозвучали тихо, как стук первых капель дождя:

— Я признаю свою вину, ваше превосходительство.

Все оторопели, не веря своим ушам. Неужели Страж штормов, хранивший от гибели рыбаков острова, так спокойно сдастся?

Анскиере не шевелился, стоя с протянутыми вперед руками.

На убийцу он не был похож, все на Имрилл-Канде любили его, доверяли ему. А теперь он разом стал для рыбаков чужим, и на них было больно смотреть.

— Взять его.

По команде констебля солдаты окружили обвиняемого, опустили ему на плечи руки в латных рукавицах. На помост взошли трое волшебников в черных мантиях, один из них сковал запястья пленника магическими оковами, двое других сплели сеть заклинаний, связавшую власть Анскиере над ветром, волнами и погодой. Теперь, когда пленник был лишен колдовской силы, люди почувствовали себя увереннее. Толпа подалась к трибуне, солдатам пришлось окружить арестованного, отпихивая тянувшихся к нему людей.

Анскиере что-то тихо сказал, и тогда один из солдат ударил его. По откинувшемуся назад капюшону рассыпались серебристые волосы, а когда волшебник поднял голову, по его подбородку текла кровь.

— Смерть убийце! — крикнул кто-то.

Остальные одобрительно взревели. Анскиере повели через площадь, со всех сторон на него сыпались удары и пинки. Сгрудившись вокруг волшебника, солдаты короля провели его по рыбацкой пристани, потом по мосткам на палубу своего корабля, и скоро беловолосая голова исчезла из виду.

Толпа шумела и бесновалась, вздымая пыль.

В сетчатой тени от мокрой рыбацкой сети Эмиен склонился над лежащей на земле маленькой девочкой, по лицу которой текли слезы.

— Ну пожалуйста, Таэн.

Девочка мотнула головой, отбрасывая черные волосы с мокрых щек.

— Почему они его забрали? Почему?

— Он убийца. Вставай, Таэн. Слезами горю не поможешь. — Юноша потянул сестру за руку. — Нечего тебе здесь лежать, того и гляди, получишь ногой в бок или кто-нибудь на тебя наступит.

Таэн покачала головой.

— Страж штормов спасает людей. Он спас меня! — Она ухватила влажными пальцами за руку брата и с трудом поднялась. Ее правая лодыжка была искалечена, и девочка сильно хромала. — Толстяк врёт!

Эмиен нахмурился. От детской наивности сестры ему становилось тошно.

— И Анскиере тоже врет? Он сам признался в убийстве. Сколько макрели было вчера в трюме «Даксена»? Можешь сосчитать? Столько же людей погибло во время урагана, Таэн.

Девочка упрямо сжала губы и промолчала.

Юноша вздохнул и, подняв сестру на руки, стал пробираться через заполонившую площадь толпу.

Таэн все равно не признает волшебника злодеем, сколько ее ни убеждай. Когда сорвавшийся с грузовой лебедки ящик раздавил ей ногу, именно Анскиере привез с материка целителя, уняв шторм, сильнее которого в здешних краях никто не помнил. С тех пор девочка души не чаяла в волшебнике. Пока она выздоравливала, Страж штормов часто приходил к ним домой и сидел у ее постели, а Таэн держала его за руку. Эмиен вспомнил, как дядя неловко благодарил волшебника за все, что тот сделал для девочки, как через весь остров они носили Анскиере дрова и рыбу, которых не хватало им самим. На этом настояла мать, хотя Страж штормов ничего не просил.

Внезапный пинок в колено вырвал Эмиена из воспоминаний; юноша охнул и согнулся.

— Таэн!

Не обратив внимания на оклик, сестра вырвалась из его рук и метнулась в толпу. Эмиен выругался. Таэн, даром что калека, могла быть проворной, как кролик. Он кинулся было вдогонку, но увяз в толпе. Торговка рыбой обругала его на чем свет стоит, и, покраснев даже сквозь загар, Эмиен сел на бочонок, чтобы потереть ушибленную ногу. Мерзкая девчонка сама явится домой, когда настанет время ужина.

Но к вечеру Таэн так и не вернулась, и Эмиен вспомнил про корабль, который днем ушел с рыбацкой пристани и встал на якорь за мысом.

— Я найду ее, — пообещал он, не в силах больше смотреть на слезы матери.

Захватив из кладовки галеты, юноша вышел под дождь в Крысиный переулок.

Над гаванью висел месяц, похожий на изогнутую рыбацкую иглу для штопки парусов. Эмиен отвязал шлюп «Даксен», принадлежащий его двоюродному брату. Юношу мутило от страха, в его глазах стояли слезы.

— Я убью тебя, Таэн, — с горечью прошептал он и вытравил фал.

Рыжие паруса нехотя поползли вверх, и Эмиену на мгновение захотелось убить не сестру, а Стража штормов, за то что тот вкрался в доверие к невинному ребенку.

Черный «Ворон» стоял на якоре, подрагивая на легких волнах, которые перекачивались через барьер коралловых рифов. В тесной кормовой каюте качались масляные фонари, бросая блики света на курчавого толстого констебля: скинув свой алый наряд, он сидел за штурманским столом в светлом шелковом халате. От констебля изрядно пахло спиртным.

— Ты разочаровал нашего сержанта, — вздохнул чиновник. — Он-то рассчитывал, что местные станут тебя отбивать. Клянусь священными огнями, ему ужасно хотелось проломить парочку голов. Хитер ты, Аншири, коли признал себя виновным. — Констебль со стуком поставил бокал на ящик с мор-

скими картами и погладил живот. — Да, сержант зверски тобой недоволен!

Волшебник шевельнулся в темноте у переборки, звякнув зачарованными оковами.

— Я и в самом деле виновен, ваше превосходительство, — язвительно заметил он. — В том, что оставил вашу любовницу в живых. Иначе она не затопила бы Тьерл Эннет.

Толстяк усмехнулся:

— Татагрес понравился твой спектакль. Подумать только, признать себя виновным в ее преступлении. И ради чего? Только ради того, чтобы уберечь островок, полный вонючих рыбаков. Или тебе просто во что бы то ни стало захотелось убраться с этой засиженной чайками скалы?

Анскиере поднял голову; свет масляной лампы сделал его лицо желтым, как на старых картинах, четче обрисовал тени под глазами.

— А, да, как же я забыл. — Констебль рыгнул. — Ты же любишь вонь рыбы и бедность, а еще того мальчишку, у которого калека сестра. И как он тебе в постели?

— Он столь же невинен, как ты развратен, — чуть слышно проговорил Анскиере, но в его взгляде появилось грозное предупреждение. — Почему ты вспомнил о нем?

Констебль улыбнулся, крикнул, чтобы принесли еще вина, облизнул мокрые губы и сложил руки на животе.

— Это так трогательно, Аншири. Вахтенные поймали мальчишку, когда тот взбирался по якорному канату. Парень сказал, что его сестра из привязанности к тебе спряталась на нашем корабле. И что он приплыл на своей заплесневелой рыбац-

кой лодчонке, чтобы забрать ее домой. Мальчишка был очень зол, похоже, он тебя ненавидит.

— А девочка? — оборвал Анскиере хихиканье толстяка.

Чиновник захлопал глазами и наконец протрезвел.

— Девчонка? Мы ее искали, конечно, но не нашли. Видно, свалилась за борт. — Он наклонился вперед, прищурившись, уставился на пленника и снова расплылся в улыбке. — А ты соврал, Аншири, когда сказал, что у Татагрес нет средств, чтобы заставить тебя повиноваться. Сдается мне, это не так.

Таэн разбудил крик брата:

— Не надо!

Она отчетливо слышала голос Эмиена в своем укрытии на камбузе.

— Умоляю, не делайте этого! Без «Даксена» нам не выйти в море! Моей матери и двоюродным братьям придется голодать!

В ответ на эти мольбы один из матросов лениво протянул:

— Капитан велел отпустить его плавать по волнам, парень.

Таэн задрожала и приникла к щели между досками, стараясь разглядеть, что творится снаружи; в спину ей врезались холодные края котлов. На палубе мерцающие огни факелов освещали полуголых матросов, там же поблескивали черные латы солдат. Таэн увидела брата, которого крепко держали за руки: мальчик отчаянно вырывался, но один из матросов такелажным ножом перерезал канат, и легкое хлопанье парусов «Даксена» быст-

ро утихло, когда ветер понес шлюп прочь от корабля.

— Это нечестно! — Отчаяние Эмиена сменилось гневом. — Я не сделал ничего плохого!

Копейщик крепко его встряхнул, и Таэн вздрогнула, вцепившись в подол платья.

— Капитан не любит таскать за собой всякую дрянь. — Убрав нож, матрос мотнул головой в сторону открытого люка. — И береговых крысят на палубе он тоже не терпит. Ну-ка, пшел вниз.

Таэн беспомощно смотрела, как копейщики волокут ее брата по палубе, слышала, как матросы хохочут в ответ на ругань Эмиена. Скоро все собралось у люка, и Таэн нерешительно прикусила губу. Не так давно она видела, как констебль вел Анскиере вниз по трапу, возле которого сейчас не осталось охраны...

Наконец девочка решила и тихо выбралась из своего укромного уголка, а потом и из камбуза. Она приволакивала ногу при ходьбе, но волны, бьющие о корпус корабля, заглушали ее шаги. У главной мачты Таэн остановилась, дрожа. Свет факелов стал удаляться, кто-то из матросов выругался, потом раздался новый взрыв хохота. Сквозь шум бурунов на рифах справа по борту послышался треск ломающихся досок.

Таэн нервно сглотнула. «Даксен» все-таки разбился. Сквозь слезы, застилающие глаза, она увидела, что матросы собрались на баке и глазект на то, как море уничтожает маленький шлюп. С удивительным для ее возраста самообладанием девочка дождалась мгновения, когда все уставились в другую сторону, прошмыгнула по палубе и нырнула в темноту юта.

Таэн бесшумно отодвинула засов и увидела узкий коридор, освещенный тусклым светом, выбивавшимся из-за приоткрытой двери каюты старпома. Из этой каюты доносились голоса — там кто-то громко спорил. Заглянув внутрь, Таэн увидела двух колдунов, которые сковали своими заклинаниями могущество Анскиере. Оба наклонились над койкой старпома, разглядывая лежащий на ней посох с тяжелым наконечником, увитый бронзовыми лентами; рядом с посохом покоилась кожаная сума Анскиере.

— Глупец! — Одетый в красное колдун отмахнулся от человека в мундире с галунами. — Может, в кораблях ты и разбираешься, капитан, но не в магии. Посох Анскиере безвреден!

Капитан шагнул к койке, но колдун в черном с кошачьим проворством схватил его за рукав.

— Поверь, капитан, этот посох обезвредила сама Татагрес. Без его помощи она не смогла бы вздыбить море и затопить Тьерл Эннет! Не думаешь же ты, что она потратила на это собственные силы?

— Нет конечно. — Капитан вырвал рукав из пальцев колдуна и одернул свой китель. — Но на корабле обязательно вспыхнет бунт, кровавый бунт, если вы не убедите экипаж, что Анскиере не сможет нам отомстить.

— Это будет не сложно. — Колдун в красном схватил суму Анскиере, и стоявшая за дверью Таэн поежилась при виде его улыбки. — Кроме посоха у волшебника обычно есть в запасе еще кое-что. Вряд ли Анскиере отличается от своих собратьев. — Колдун развязал суму, перевернул, и ее содержимое с шелестом высыпалось на шерстяное одеяло.

Таэн вытянула шею, пытаясь разглядеть, что это.
— Самые обычные перья! — презрительно бросил капитан и хотел взять одно, но его запястье сжала тощая рука.

— Не трогай! Ты что, решил нас погубить? В каждом из этих перьев — заклинание погоды, Анские-ре изготовил их про запас. Знай, капитан, их силы хватит, чтобы уничтожить весь Имрилл-Канд.

Колдун отпустил руку капитана и взял из кучки коричневое перышко. «Из крыла буревестника», — поняла Таэн.

Девочка внимательно наблюдала, как колдун подбросил перо в воздух.

Падая вниз, перо завертелось и вдруг превратилось в смазанное пятно, вокруг которого вспыхнул лилово-синий свет. Из этого сияния появился сам буревестник — изящная птица с распахнутыми в полете крыльями. Откуда ни возьмись, в каюту ворвался соленый влажный ветер, встряхнув висевший на крюке фонарь, и по стенам заплясали тени.

Красный колдун потянулся к кинжалу, его рука метнулась подобно змее и настигла птицу в полете. Буревестник упал на пол, забрызгав кровью промасленное дерево, дернулся и умер, а вместе с ним умер ветер.

Таэн задрожала, у нее засосало под ложечкой.

Красный колдун вытер окровавленное лезвие о рукав, черный взял с одеяла следующее перо. Скоро вся кайма его рукава была испачкана алым, у его ног громоздилась кучка крылатых трупиков, кровь большой лужей растеклась по полу каюты. Со смертью каждой птицы то начинало пахнуть весенним дождем, то вспыхивало летнее солнце, то принимался дуть резкий осенний ветер.

Не в силах больше на это смотреть, Таэн заставила себя двинуться дальше. Поглощенные своим кровавым делом, колдуны так и не заметили девочку.

За дверью штурманской каюты Таэн услышала булькающий храп констебля. Фитиль фонаря почти догорел.

Постепенно глаза Таэн привыкли к темноте, и девочка увидела, что за столом, недалеко от толстого констебля, сидит Анскиере, опустив голову на скрещенные руки. Под спутанными волосами волшебника, словно угольки в костре, поблескивали заколдованные оковы, мантия Стража штормов была перепачкана и измята.

Таэн вошла, слегка подволакивая ногу, при звуке ее шагов Анскиере поднял голову и открыл глаза. Увидев девочку, он поманил ее к себе и зазвенел оковами, чтобы заглушить ее шаги.

Таэн бросилась в его объятия.

— Солдаты забрали Эмиена, а «Даксен» разбился о рифы. — Ее шепот прерывался всхлипываниями.

— Знаю, малышка. — Анскиере прижал к себе вздрагивающую от горя девочку.

Таэн потянула его за рукав.

— Страж, волшебники убивают твоих птиц. Я только что видела.

— Тихо, детка. Самую главную они не забрали. — Он вытер слезы со щек девочки. — Могу я доверить эту птицу тебе?

Таэн кивнула. Под ее серьезным взглядом Страж штормов надорвал шов подкладки своего капюшо-

на, достал рыжеватое перо с черной каймой и вложил в ладонь девочки.

Таэн повертела перо в руках. Оно было от неизвестной ей птицы, тонкое и длинное, как лезвие ножа.

— Слушай меня внимательно, Таэн. — Анские тронул ее за плечо. — Выйди на палубу ипусти перо по ветру.

Девочка кивнула.

— По ветру, — повторила она.

За дверью вдруг раздались шаги, она вздрогнула и быстро, как крысенок, скользнула под штурманский стол, за которым по-прежнему безмятежно похрапывал констебль.

В каюту вошли трое: капитан и оба колдуна. Испачканные в крови руки рванули Анские за плечи, заставив встать.

— Где оно? — рявкнул красный колдун.

— О чем ты, Хеарвин? — с ледяным спокойствием отозвался Анские.

Таэн услышала звук удара.

Черный колдун шагнул вперед, его мантия оставила на полу разводы крови.

— У тебя был штормовой сокол, так? Но мы его не нашли.

— И не найдете.

— Да неужто? — Черный колдун расхохотался, от этого смеха по спине Таэн побежали мурашки, девочка крепче прижала к груди стиснутое в кулаке перо. — Обыскать его!

Послышался треск рвущейся ткани; Анские пошатнулся. Таэн скорчилась под столом у ног констебля, слыша, как волшебники рвут в клочья одежду Стража штормов. Лоскуты его мантии, пе-

репачканные в крови, упали на пол возле ножки стола.

— При нем ничего нет. — Капитан явно встревожился. — Что я скажу команде?

Красный колдун раздраженно рявкнул:

— Вообще ничего не говори, болван! — Раздался пронзительный скрежет дверных петель: кто-то распахнул дверь. — Приставь к нему охрану и держи подальше от мальчишки.

Послышались удаляющиеся шаги, которые скоро затихли в глубине коридора; вместе с ними затихло и позвякивание оков Анскиере, но Таэн никак не могла унять дрожь.

Немного придя в себя, она почувствовала, как констебль дернулся во сне. От запаха пота и пролитого вина у девочки кружилась голова; Таэн поспешно вылезла из-под стола и выскочила в открытую дверь. Сжимая в побелевших пальцах перо, она неуклюже поднялась по трапу и совсем рядом увидела матроса: тот дремал, опершись локтем на нактоуз. Таэн метнулась в сторону, но было уже поздно.

— Ах ты! — Матрос бросился к ней, но промахнулся и проехался костяшками пальцев по палубе.

Таэн увернулась и побежала к корме.

Матрос разразился бранью, то и дело поминая священные огни; девочка слышала, как, споткнувшись, он врезался в нактоуз.

Палубу осветило мерцание факелов, краем глаза Таэн заметила, что из люка вылезает копейщик. Она в отчаянии бросилась к борту, но сильные руки поймали ее и рванули назад. Таэн дернулась, потеряла равновесие, морской ветерок вырвал перо из ее пальцев и взметнул вверх.

Кто-то встряхнул девочку так, что у нее клацнули зубы. Перо Анскиере закружилось по ветру, внезапно его охватило сияние, и оно превратилось в рыжевато-голубого сокола с черными отметинами: раскинув крылья, птица парила на фоне звезд в тройном лилово-голубом круге. Таэн почувствовала в воздухе свежий запах грозы; человек, который держал ее, выругался, а внизу, у шкафута, стала быстро собираться толпа матросов.

— Штормовой сокол! — крикнул кто-то.

Моряки на чем свет стоит проклинали Анскиере, не сводя глаз с кружащей над ними птицы. В такelage начал завывать ветер. Брызги от бьющих о рифы волн гасили факелы, за ними тянулись дымные хвосты.

Таэн почти ничего не видела из-за рукава схватившего ее человека, но слышала, как кто-то кричит, веля принести лук и стрелы... Но было поздно: сокол унесся в ночь.

— Так, значит, эту малявку искал мальчишка? — сердито рявкнул тип, державший Таэн. — Надо вышибить ей мозги, чтоб не совала нос, куда не следует!

— Оставь ребенка в покое! — Голос черного колдуна прозвучал как шелканье кнута, перекрыв всеобщий гам.

Все замолчали, даже ветер замер, теперь слышался только заунывный шум набегающих на берег волн. Колдун подошел к сержанту, державшему Таэн, и все поспешили убраться с дороги королевского волшебника.

— Что сделано — то сделано. — Голос колдуна закрипел, словно ракушки под ногами. — Штормовой сокол уже улетел, а эта девчонка, как я слы-

шал, любимица Анскиере. Отдай ее мне, и мы быстро заставим его отозвать птицу.

Сержант швырнул Таэн колдуну, словно мешок с тряпьем. От прикосновения костлявых рук, все еще испачканных кровью, девочку наконец стошнило.

Сержант выругался, потом усмехнулся:

— Забирай на здоровье!

— Доложи Татагрес обо всем, что произошло, — распорядился колдун, и ухмылка сержанта погасла, как задутая ветром свеча.

Внизу, в трюме, охранник повернул ключ в тяжелом замке. Заржавевшие петли скрипнули, дверь открылась, из-за нее пахнуло кислым запахом заплесневелого холста. Черный колдун нетерпеливо двинулся вперед, потом выругался, и шедший за ним боцман быстро поднял фонарь повыше. Мерцающий свет озарил кипу парусов и высокого человека, прикованного к массивному кольцу в переборке. С узника сняли порванную мантию и облачили его в матросскую робу, мешковатые рукава которой почти полностью закрывали заколдованные наручники на запястьях.

Черный колдун окинул Анскиере презрительным взглядом.

— У нас для тебя есть подарочек.

Откинул полу своего плаща и резко поставил Таэн на ноги.

Девочка шагнула вперед, споткнулась и вцепилась в робу Анскиере.

— Плохи твои дела, Страж штормов, — улыбнулся черный волшебник и вкрадчиво добавил: —

Ты говорил, что скорее пойдешь на костер за убийства на Тьерл Эннете, чем заключишь сделку с Татагрес. Сдается мне, ради ребенка ты передумаешь.

Анскиере не ответил, обнимая дрожащую Таэн.

Вскоре негромкая ругань и возня за дверью возвестили о прибытии двух матросов, которые приволокли связанного, вырывающегося Эмиена. Черный колдун посторонился, чтобы их пропустить.

Увидев свою сестру в объятиях Стража штормов, юноша воскликнул:

— Таэн!

В его голосе звучали гнев и отчаяние:

— Таэн, зачем ты сюда пробралась?

Девочка промолчала, и ее брат сплюнул под ноги Анскиере. Один из матросов рассмеялся.

— Ненависть кажется тебе смешной? — раздался чей-то голос за спиной моряка, и тот сразу перестал смеяться, испуганно распахнув глаза. — А может, я опоздала и пропустила какую-то шутку?

Вспыхнул неяркий лиловый свет, и в каюту вошла высокая стройная женщина. Ее прекрасное лицо обрамляли серебристо-светлые волосы, глаза под мохнатыми ресницами и по-мужски густыми бровями были того же глубокого фиолетового цвета, что и аметисты, украшавшие ворот ее плаща.

— Татагрес! — склонился перед нею черный колдун.

Женщина обошла боцмана с фонарем, небрежно оперлась о переборку и обратила сверкающий взгляд на Стража штормов и на девочку, которую тот обнимал.

— Как низко ты пал, Анскиере из Эльринфаэра. — Выговор колдуньи был безупречен.

Страж штормов прижал Таэн к груди.

— Не так уж низко.

— Разве? Сейчас ты выполнишь приказание короля Кисберна. — Татагрес замерла, бесстрастная, как мраморная статуя, положив руку на рукоять своего кинжала. — Отзови штормового сокола, Страж штормов.

— Это не в моих силах, — мрачно ответил Анскиере, поднял руки, выпустив Таэн, и продемонстрировал свои оковы. — Если у тебя хватит отваги меня освободить, я его отзову.

Пальцы Татагрес крепче сжали рукоять кинжала, ее лицо слегка побледнело.

— Ты слишком много о себе воображаешь. Думаешь, меня заботит твой сокол? Грош ему цена, и тебе тоже. Но если ты дорожишь жизнью этой девчонки, ты отправишься на остров Килмарка — Скалистую Гавань — и там наложишь заклятие на стихии, согласно повелению короля.

Анскиере осторожно притянул голову Таэн к своей груди.

— Это угроза? — спросил он.

— Ты никогда не слышал, как ребенок кричит от боли? — спросила Татагрес. — Скоро услышишь, обещаю.

За ее спиной Эмиен отчаянно забился в руках матросов; морякам пришлось отвесить юноше несколько оплеух, только тогда брат Таэн затих. Татагрес как ни в чем не бывало продолжала:

— Неужели тебе не интересно, почему король отдал такой приказ?

Но Анскиере, похоже, куда больше интересовала девочка, которую он обнимал, чем то, что король собирается сделать с Килмарком, правителем острова отступников.

Молчание волшебника начало злить Татагрес, она выпрямилась и скрестила руки на груди.

— Король обещает тебе помилование за Тьерл Эннет...

— Если я освобожу демонов холода, — закончил за нее Анскиере, не поднимая головы. Татагрес удивленно ахнула, и он добавил: — Констебль, не удержавшись, рассказал мне, что король хочет выпустить демонов, чтобы уничтожить Альянс Свободных островов. Значит, король попросил тебя в этом помочь? И что он посулил тебе в награду? Богатство или власть над островом Килмарка?

Татагрес покраснела, но в ее голосе прозвучало лишь высокомерное презрение:

— Это все мелочи, тучегонитель. Я попросила у короля ключи от башни Эльринфаэр.

Анскиере вскинул голову и проговорил голосом спокойным, как море перед бурей:

— Предупреждаю, Татагрес: я не подчинюсь королю, даже если пострадают дети.

Эмиен, не выдержав, снова забился в руках матросов.

— Да испепелят тебя огни Кордейна, волшебник!

— Успокойся, — бросила юноше Татагрес.

Эмиен затих, словно получив затрещину, а Татагрес повернула голову и посмотрела на него. Волосы колдуньи сверкали подобно инею, рассыпавшись по обрамляющему стройную шею воротнику, и она вдруг показалась Эмиену очень незащищенной. Не понимая, что им играют, как марионеткой, брат Таэн внезапно почувствовал неудержимое желание защитить эту женщину... Он сглотнул и разжал кулаки, а Татагрес улыбнулась.

— Мальчик, — хрипловатым голосом проговорила она, — если Страж штормов откажется выполнить приказ короля, ты поможешь мне сломить его волю?

Эмиен задумался. Это из-за Анскиере Таэн попала в беду, из-за Анскиере погиб их шлюп. Такого потомственный рыбак простить не мог. Он сплюнул на ладонь и поднес кулак ко лбу.

— Клянусь. — Он встретился взглядом с Татагрес, и в его голосе зазвучала страстная ненависть. — Пусть навеки отвернется от меня удача, пусть проклянет меня море, если я нарушу клятву!

— Так тому и быть. — Татагрес сделала знак державшим юношу матросам. — Он поклялся служить мне. Отпустите его.

Матросы отпустили паренька, Эмиен вздрогнул и потер покрасневшие руки, не сводя глаз со своей госпожи.

— Мне кажется, — смущенно выпалил он, — я еще никогда не видел таких красивых женщин, как вы!..

Таэн поняла, что брат переметнулся к противнику.

— Ты позоришь имя отца! — крикнула она, и Анскиере успокаивающе сжал ее плечо.

Эмиен презрительно вздернул подбородок.

— Он погубит тебя, сестра!

Но Таэн отвернулась, уткнувшись лицом в грудь Стража штормов, и боцману пришлось силой отрывать кричащую девочку от Анскиере.

— Оставьте ее мне, — перекрыл крики сестры Эмиен. — Я ей все объясню!

Но Татагрес подала знак боцману:

— Запри ее в трюме.

Эмиен решил, что волшебница просто испытывает его верность, и не стал возражать, хотя безрассудно данная клятва уже лежала на его сердце тяжелым грузом. Юноша медлил, ожидая, пока Татагрес и ее свита покинут каюту; последним вышел матрос с факелом.

Юный рыбак опустил глаза. Боль в запястьях напомнила ему о чарах, которые все еще сковывали Анскиере, и на Эмиена нахлынула тоска по тем временам, когда он обожал Стража штормов, сам не зная почему. Эмиен помедлил в дверях, ожидая укора за то, что забыл свое детство на Имрилл-Канде.

Но ни единого слова упрека не сорвалось с уст Анскиере, ни единой просьбы, и когда волшебник наконец заговорил, в его голосе прозвучали понимание и печаль:

— Воды мира глубоки. Прокладывай курс осторожно, сын Марла.

Однако Эмиен уже справился с минутной слабостью.

— Убийца, — прошептал он, — ты погубишь мою сестру.

С этими словами он выскочил из темной каюты и захлопнул за собой дверь.